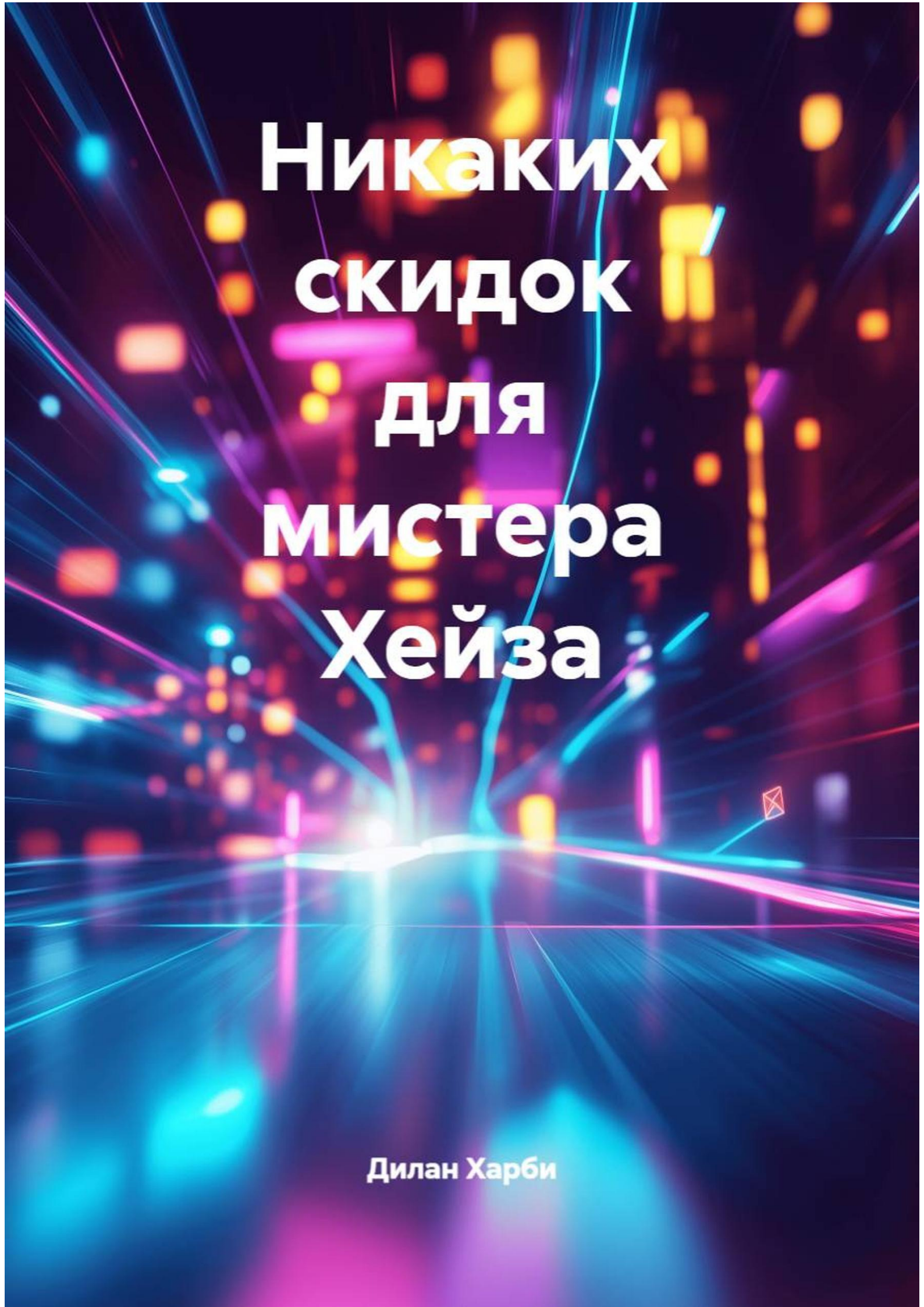

Никаких скидок для мистера Хейза

Дилан Харби

Дилан Харби

**Никаких скидок
для мистера Хейза**

«Автор»

2026

Харби Д.

Никаких скидок для мистера Хейза / Д. Харби — «Автор», 2026

Пятнадцать лет Тед Хейз провёл в тюрьме за убийство жены, которого не совершал. Там он не искал справедливости — он учился ждать, считать и запоминать фамилии. Выйдя на свободу, бывший бухгалтер не берёт в руки оружие. У него есть старые кассеты, папка с документами, тёмно-синий кабриолет и один простой принцип: любой долг однажды приходится платить. С процентами. След ведёт из стамбульского рынка к испанской вилле влиятельного политика — человека, который когда-то решил, что может купить правду. Теду нужны свидетельница, которая солгала на суде, и суровый наёмник, мечтающий о быстрой мести. Но сам Тед предпочитает другое оружие: слова, страх и безупречно выбранный момент. Потому что месть — не удар. Это счёт, который предъявляют так, чтобы должник сам попросил выставить сумму.

© Харби Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОЛГАЯ АРИФМЕТИКА	6
Глава 1. Пятнадцатый год	6
Глава 2. Свободный человек	8
Глава 3. Судья и погода	10
Глава 4. Эксперт	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Никаких скидок для мистера Хейза

Глава

ПРОЦЕНТЫ

нуар-триллер

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОЛГАЯ АРИФМЕТИКА

Глава 1. Пятнадцатый год

Глава 2. Свободный человек

Глава 3. Судья и погода

Глава 4. Эксперт

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТУРЕЦКИЙ МАРШ

Глава 5. Рынок свидетелей

Глава 6. Отель с двумя выходами

Глава 7. Человек, сломавший дверь

Глава 8. Билет на юг

Глава 9. Чизетта

Глава 10. Последнее показание Матео

Глава 11. Ужин перед морем

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ИСПАНСКИЙ ПРОЦЕНТ

Глава 12. Человек, который владел будущим

Глава 13. План без героев

Глава 14. Картина

Глава 15. Публичный человек

Глава 16. Остаток

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ДОЛЖНИК

Глава 17. Чарльз Блэквуд принимает посетителя

Глава 18. Комиссия

ЭПИЛОГ. НОВАЯ СТРОКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДОЛГАЯ АРИФМЕТИКА

Глава 1. Пятнадцатый год

В тюрьме «Греймарш» книги выдавали по четвергам, простыни — по понедельникам, а надежду не выдавали вообще. Её полагалось приносить с собой и экономить.

Теодор Хейз научился обходиться без неё.

Он был высоким даже для тюремных дверей и худым не от плохой еды, а словно по убеждению. Бледная кожа за пятнадцать лет почти разучилась иметь оттенок. От уголков глаз к вискам уходили ранние морщины — следы не смеха, а постоянного прищура человека, привыкшего проверять мелкий шрифт. Улыбка держалась на лице легко и не обещала ничего хорошего.

На пятнадцатом году заключения он сидел у окна библиотечного подсобного помещения в сером тюремном костюме и составлял таблицу. В левом столбце стояли имена. В среднем — поступки. В правом — то, что каждый человек считал для себя незаменимым.

Напротив судьи Майкла Рида было записано: «Репутация».

Напротив адвоката Чарльза Блэквуда: «Лицензия. Деньги. Сын».

Напротив Софии Маркес: «Страх».

Напротив Антонио Варгаса: «Всё».

Заключённый по прозвищу Пастор остановился у стола.

— Опять считаешь?

— Я бухгалтер.

— Ты уже пятнадцать лет не бухгалтер.

Тед поднял глаза поверх тонкой оправы.

— А ты двенадцать лет не грабитель банков. Но когда надзиратель оставляет ключи на столе, у тебя меняется дыхание.

Пастор хмыкнул и посмотрел на лист.

— Список людей, которых убьёшь?

— Нет. Убийство — отвратительный способ взыскания. После него должник перестаёт платить.

— Тогда что ты с ними сделаешь?

Тед закрыл папку.

— Предложу удобный график.

Он говорил негромко и всегда улыбался. В первые годы улыбка раздражала надзирателей. Потом начала их тревожить. К пятнадцатому году никто уже не спрашивал, что именно его веселит.

Вечером Теда вызвали в административный корпус. Начальник тюрьмы Гаррет сидел за широким столом, похожим на крышку дорогого гроба.

— Ваше освобождение назначено на девять утра, — сказал он. — Пресса будет у ворот.

— Как предусмотрительно. Обычно свидетелей собирают до преступления.

— Они хотят услышать, как вы простили систему.

— Я никого не прощал.

— Тогда скажите, что хотите начать новую жизнь.

Тед посмотрел на календарь. На нём красным кружком было обведено завтрашнее число.

— Моя новая жизнь началась пятнадцать лет назад. Завтра я просто сменю адрес.

Гаррет потёр переносицу.

— Мистер Хейз, снаружи всё изменилось.

— Люди по-прежнему боятся потерять деньги?

— Разумеется.

— Значит, ничего важного.

В камере Тед достал из тайника старую фотографию. Он и Эвелин стояли на платформе вокзала. Она смеялась, закинув голову. Тед на снимке был моложе, шире в плечах и ещё не знал, как долго может длиться одна секунда в зале суда.

Эвелин ненавидела, когда он доставал калькулятор в постели. «Ты считаешь даже наше дыхание», — говорила она и сталкивала прибор на пол. Однажды предложила посчитать, сколько они ещё протянут. Тед решил, что она шутит, и начал вычислять проценты по ипотеке. Тогда она смеялась. Теперь смешного в этом не осталось.

На обороте рукой Эвелин было написано: «Если опоздаешь — поеду без тебя».

— Я опоздал, — сказал Тед фотографии. — Но поезд ещё не ушёл.

Он лёг поверх покрывала, сложив руки на груди. За стеной кто-то ругался, дальше по коридору хохотали, в трубах кашляла вода.

Тед не спал. Он повторял план.

Не потому, что мог забыть.

Потому что хороший план должен звучать в голове как музыка: без единой фальшивой ноты.

Глава 2. Свободный человек

У ворот «Греймарша» стояло семнадцать журналистов, два телевизионных фургона и один человек, которому следовало находиться совсем в другом месте.

Чарльз Блэквуд постарел красиво. Серебряные волосы, ясные голубые глаза, тёмное пальто, шарф цвета выдержанного вина. Левая бровь поднималась чуть выше правой — почти незаметный изъян, проявлявшийся, когда Блэквуд волновался и хотел казаться особенно спокойным. Пятнадцать лет назад он защищал Теда в суде. Защищал так искусно, что обвинение почти не вспотело.

Тед вышел в тёмно-синем костюме. Костюм прислал портной, которому он когда-то помог избежать банкротства. Он сидел безупречно. Тед остановился, вдохнул холодный воздух и улыбнулся камерам.

— Мистер Хейз! — крикнула репортёрша. — Вы чувствуете себя жертвой правосудия?

— Жертвой? Нет, милая моя. Жертвы — это те, кто мне должен. А я — инкассатор. Просто работаю с живыми должниками.

Камеры ожили.

Блэквуд шагнул к нему с раскрытыми руками.

— Тед. Рад видеть тебя свободным.

— Чарльз. А я рад видеть тебя богатым. Бедность осложнила бы расчёты.

Адвокат обнял его, стараясь сделать это по-отечески и быстро.

— Я добился пересмотра дела.

— После того как настоящий эксперт признался перед смертью.

— Я всё равно помог.

— Ты помнишь, что обещал моей жене? Ты сказал, что я выйду через три года. Ты ошибся на двенадцать лет. С тебя — двенадцать лет твоей жизни.

Блэквуд рассмеялся для камер.

— Всё та же мрачная шутка.

— Нет. Шутки короче.

Тед пожал ему руку и задержал ладонь.

— Проценты, дорогой. Всегда помни про проценты.

Он отпустил адвоката и сел в такси.

На заднем сиденье лежал конверт без обратного адреса. Внутри были ключ от банковской ячейки, билет до Нью-Йорка и фотография мёртвого человека. На фотографии тот лежал в дешёвой гостинице, положив руку на старый кассетный магнитофон.

С обратной стороны значилось: «Копии не там, где ты думаешь. Начни с судьи. — М.»

Матео Рохас. Старый знакомый Теда — когда-то его клиент, позднее исчезнувший в мире чужих поручений. Человек, который, согласно официальным документам, убил Эвелин и погиб две недели назад в Стамбуле.

Водитель посмотрел в зеркало.

— Куда едем?

Тед спрятал фотографию.

— В банк.

— Какой?

— Тот, который скоро пожалеет, что открылся сегодня утром.

В ячейке находились три видеокассеты, флеш-накопитель, нотариально заверенное письмо и дешёвые карманные часы. Тед нажал на крышку. Часы не шли.

На внутренней стороне была выгравирована дата смерти Эвелин.

Тед перестал улыбаться.

Это продолжалось две секунды.

Потом он открыл письмо.

«Хейз, если ты это читаешь, я уже не могу соврать тебе лично. Варгас заказал убийство. Блэквуд выбрал тебя. Рид закрыл глаза. София произнесла слова, которые ей дали. Я сделал остальное.

Ты хочешь мести. Я хочу, чтобы меня наконец похоронили без чужого имени.

На первой кассете — судья. На второй — София. На третьей — человек, которого боится Варгас.

Не доверяй последовательности. Я знал, что письма прочтут раньше тебя.

Мёртвые не лгут. Мы просто больше не можем исправить показания».

Тед перечитал письмо, убрал в карман и посмотрел на часы.

— Ладно, Матео, — сказал он. — Посмотрим, кто из нас лучше считает.

Глава 3. Судья и погода

Бывший судья Майкл Рид жил в Коннектикуте, играл в гольф и каждое воскресенье рассказывал по телевидению о кризисе доверия к правосудию.

Тед пришёл к нему во время прямого эфира.

Охранник на студии посмотрел на пропуск.

— Вас нет в списке.

— Есть. На обороте.

Охранник перевернул карточку. Там лежала сложенная стодолларовая купюра.

— Это взятка?

— Нет. Взятка меняет решение. Это плата за внимательность.

Через минуту Тед сидел в кресле для следующего гостя. Рид закончил рассуждать о нравственности, увидел его и побледнел.

— Перед нами человек, чья карьера стала символом честности, — объявила ведущая. — Судья Рид, существует ли поступок, который вы никогда не смогли бы себе простить?

— Разумеется, — сказал Тед из-за камеры. — Осуждение невиновного, например.

Ведущая обернулась.

Рид выдавил:

— Кто впустил этого человека?

— Майкл, мы пятнадцать лет не виделись, а ты начинаешь с упрёка.

Тед подошёл и положил на стол папку.

— Здесь платёж из фонда Варгаса на счёт вашей дочери за три дня до вынесения приговора. Здесь запись разговора с Блэквудом. А здесь два варианта завтрашнего дня.

— Выключите камеры!

Режиссёр за стеклом отчаянно показывал, что эфир продолжается.

Тед улыбнулся в объектив.

— Первый вариант: вы сейчас рассказываете правду. Теряете репутацию, но сохраняете остатки достоинства. Второй: называете меня сумасшедшим. Тогда запись появляется в сети, а вы теряете ещё и право выбрать выражение лица.

— Это шантаж.

— Нет. Шантаж предлагает молчание за деньги. Я денег не беру. Профессиональная этика.

Рид посмотрел на папку, потом на красную лампу камеры.

— Вы разрушите жизнь моей дочери.

— Вы использовали мою жену как ступеньку к её благополучию. Я всего лишь включил свет на лестнице.

В студии стало тихо.

Рид начал говорить. Сначала юридическими формулами, потом человеческими словами. Через семь минут он признал, что получил указание не допускать независимую экспертизу. Через десять назвал Блэквуда. На двенадцатой минуте заплакал.

На улице Теда ждал молодой федеральный агент.

— Мистер Хейз, вам придётся проехать с нами.

— С удовольствием. У вас есть кофе?

— Нет.

— Тогда удовольствие отменяется.

Агент преградил дорогу.

Тед протянул ему копию судебного предписания.

— Ваш начальник получил полный пакет два часа назад. Если вы задержите меня, к вечеру станете известны как человек, арестовавший оправданного свидетеля вместо коррумпированного судьи. Карьера — хрупкая вещь. Не ставьте на неё горячую чашку.

Агент прочёл документ и отступил.

Телефон Теда зазвонил.

— Мистер Хейз? — произнёс незнакомый мужской голос с немецким акцентом. — Вам советуют остановиться.

— Кто?

— Человек, который платит мне за советы.

— Передайте ему, что бесплатные советы я игнорирую, а платные предпочитаю давать сам.

— Вы не понимаете опасности.

— Напротив. Я пятнадцать лет только её и понимал.

Связь оборвалась.

Тед посмотрел на номер. Европейский.

Он достал из кармана билет до Стамбула.

Глава 4. Эксперт

Доктор Леонард Кросс когда-то возглавлял городскую лабораторию. Теперь он преподавал судебную медицину и любил повторять студентам, что мёртвое тело — самый честный свидетель.

Тед пришёл на его лекцию с пятнадцатилетней фотографией Эвелин.

— Как определить время смерти? — спросил Кросс аудиторию.

— По температуре тела, окоченению, состоянию крови...

— По размеру чека, — сказал Тед с последнего ряда.

Студенты обернулись.

Кросс узнал его.

— Лекция закрытая.

— Как и моё дело. Но мы оба знаем, что замки бывают декоративными.

Тед спустился к кафедре и положил фотографию рядом с учебным черепом.

— Этот человек преследует меня, — сказал Кросс.

— Нет, Леонард. Если бы я преследовал, ты бы меня не видел. Я пришёл поговорить.

— Вызовите охрану.

Одна из студенток потянулась к телефону.

— Не стоит, — сказал Тед. — Через три минуты доктор Кросс сам попросит вызвать полицию. Ему будет нужен свидетель, что он явился добровольно.

Кросс собрал бумаги.

— Я сделал заключение на основании образцов.

— Образцы подменили.

— Докажите.

Тед включил проектор. На экране появилось видео: молодой лаборант вынимал из холодильника пакет с номером дела Эвелин и передавал мужчине в дорогом пальто.

— Этого человека я не знаю.

— Это курьер Блэквуда. Лаборант умер четыре года назад. Перед смертью записал объяснение. Матео умел находить людей в тот короткий период, когда совесть уже сильнее страха.

— Я ничего не видел.

— Именно за это тебе заплатили.

Тед показал банковскую выписку.

Кросс тяжело опустился на стул.

— У меня была больная дочь.

— У всех мерзавцев есть больные дочери, престарелые матери и неудачный день. Будто природа выдаёт оправдание одновременно с преступлением.

— Она умерла.

— Мне жаль.

Кросс вскинул голову.

— Ты издеваешься?

— Нет. Смерть дочери не делает тебя менее виновным. Но и вина не запрещает мне сочувствовать. Люди сложнее бухгалтерских строк. Это ужасно мешает работе.

Он протянул доктору два листа.

— Первый — признание. Второй — заявление об отставке.

— А если не подпишу?

— Запись увидят студенты, университет, полиция и дочь лаборанта. Если подпишешь, сам объяснишь, почему солгал.

— Ты уничтожишь мою жизнь.

— Нет. Я верну ей настоящее имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.